

имеет право на внимание в настоящее время. Ввиду великих вопросов, решаемых западными обществами, человеку с мыслящим умом и благородным сердцем нельзя не принять участие в судьбе человечества, нельзя не оглянуться назад и не поискать ключа к открытию причин тех загадочных явлений, на которые мы смотрели и смотрим с изумлением» (с. 239).

Естественно, Грановский разделял многие суждения тогдашней исторической науки, которые представляются ныне устаревшими. Но питая живой интерес к судьбам простого народа, вдохновляясь антикрепостническими настроениями, он во многих случаях преодолевал эти расхожие в то время мнения, выступал как самобытный и прогрессивный историк.

В первый период научной деятельности Т. Н. Грановского он по своим теоретико-методологическим воззрениям был приверженцем объективного идеализма в духе немецкой классической философии, и в частности Гегеля. Главный смысл всеобщей истории в то время он видел в «развитии духа рода человеческого», главной целью историка считал «проследить прогресс рода человеческого» (см. выше: Введение к курсу древней истории). Главной движущей силой исторического процесса Грановский полагал «верховный нравственный закон». Однако из гегелевской философии истории он брал в основном наиболее передовые ее идеи — идею закономерного прогрессивного и органического характера исторического процесса и, главное, представление об его диалектичности. По словам Т. Н. Грановского, история всегда развивается «в борьбе возникающих противоположений», особенно в периоды перехода от одной исторической эпохи к другой, который совершается всегда в форме борьбы. В такой борьбе разрушаются старые формы и «зигнудются» новые (Лекции, 1961, с. 45). В переходные эпохи противоречие нередко может быть по необходимости разрешено только насильем, признавал Т. Н. Грановский, приближаясь, таким образом, в этот ранний период своей деятельности к понятию закономерности социальных конфликтов и даже, с известными оговорками, насильственных переворотов.

Эти взгляды, несмотря на их в целом идеалистический характер, в николаевской России 30—40-х годов XIX в. были, несомненно, прогрессивными. В противовес реакционным деятелям, проповедовавшим незыблемость крепостнических порядков, Грановский выдвигал идею поступательного развития истории и подводил слушателей к выводу о преходящем характере этих порядков.

Грановский и в эти годы не был слепым последователем Гегеля. Он упрекал его «философию истории» в схематизме и априоризме, в том, что он нередко истиной жертвовал ради системы, что под историей «разумел только политическую историю народов, ограничивая таким образом ее значение» (Там же, с. 41). В отличие от Гегеля Грановский считал, что история — самостоятельная от философии наука, которая не должна «вступать на службу системы»,